

Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!  
 Томить боярина тоска...  
 Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка  
 Шумить — и съ бурей заодно  
 Гремучій дождь стучить въ окно.  
 Тернѣть тѣнь во всѣхъ углахъ,  
 И — странно — Оршу обнялъ страхъ...  
 Бываль онъ въ битвахъ, хоть и старъ,  
 Противъ поляковъ и татаръ;  
 Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,  
 Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ;  
 Ни разу духъ его крутой  
 Не ослабѣлъ передъ бѣдой.  
 Но тутъ — онъ свистнулъ, и вошелъ  
 Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «Скучно мнѣ,  
 Все думы черныя однѣ.  
 Сидишь поближе на скамью,  
 И рѣчью грусть разсѣй мою...  
 Пожалуй, сказку ты начни  
 Про прежніе златые дни,  
 И я, припомнивъ старину,  
 Подъ говоръ словъ твоихъ засну».

И на скамью присѣлъ Соколъ,  
 И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ былъ за тридевять земель,  
 Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,  
 Великій и премудрый царь.  
 Ни въ наше времечко, ни встарь  
 Никто не видывалъ пышнѣй  
 Его палатъ; и много дней  
 Въ веселій жизнь его текла,  
 Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ: и хилъ, и старъ,  
 А дочь — непрочный вѣдь товаръ!  
 Ее, какъ лучший свой алмазъ,